

Владимир Кожевников

Проклятие сестры

Владимир Кожевников

Проклятие сестры

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Проклятие сестры / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ли́ра не хотела быть некромантом. Она хотела тихо жить в деревне, лечить людей травами и смотреть, как растёт её младший брат. Но когда Тимка умирает от лихорадки, она делает то, что запрещено всеми законами магии: возвращает его душу обратно. Ценой собственного проклятия. Теперь её место — в Ковене Мертвецов, мрачной академии, построенной на костях древнего дракона. Здесь студенты сражаются за право называться живыми, а каждый урок берёт плату воспоминаниями. В первый же день Ли́ра случайно пробуждает древний артефакт и привязывает к себе духа — насмешливого, опасного и слишком хорошо знающего тёмную магию. Он не хочет ей помогать. Он хочет занять её тело. Но у них есть общая цель: кто-то в Ковене убивает студентов, и остановить его можно только вместе. Мрачная готическая сказка о долгах, которые нельзя вернуть, и о тени, которая помнит больше, чем ты сам.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лихорадка	5
Глава 2. Ковен на костях дракона	6
Глава 3. Первый долг	7
Глава 4. Плата за дыхание	9
Глава 5. Галерея костей	11
Глава 6. Шёпот в библиотеке	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Проклятие сестры

Глава 1. Лихорадка

Ли́ра не верила в предзнаменования. В Сосновом Броде их называли «бабушкиными сказками» — пока не случалось беды. Тогда вспоминали: ворон каркнул трижды, вода в колодце отдала тиной, а младший брат Тимка перестал есть.

Лихорадка пришла в конце лета. Сначала слёг соседский мальчишка, потом ещё двое. Деревенский лекарь разводил руками: «Травы не берут. Не наша это болезнь». Ли́ра поила брата отваром коры ивы, клала на лоб мокрые тряпки. Тимка горел три дня, а на четвёртый — затих.

Она держала его холодную руку и чувствовала, как внутри натягивается невидимая струна — та, что соединяет дух с телом. Струна звенела всё тоньше, и вот уже готова была лопнуть. Старуха-повитуха сказала бы: «Отпусти, не тревожь мёртвых». Но Ли́ра не могла. В ту ночь, когда брат перестал дышать, она вытащила из-под половицы старую книгу — ту, что мать прятала от всех. На обложке вился странный узор: тень, похожая на человеческий профиль, и надпись выцветшими чернилами: «Некромантия — не для живых». Ли́ре показалось, что тень на обложке повернула голову и посмотрела на неё.

Она не помнила, как произнесла слова. Только как воздух в комнате стал тяжёлым, как пламя свечей вытянулось в тонкие струны и зазвенело, а с её ладони сорвалась капля крови — чёрная, как дёготь. Кровь упала на грудь Тимки, и он открыл глаза. Заплакал. Ли́ра захлопнула книгу, и тень на обложке растворилась, будто её никогда не было. И тогда девочка поняла: она сделала то, что нельзя простить. И то, что нельзя отменить.

Слух о воскрешении разлетелся быстрее ветра. Утром на пороге стоял человек в сером плаще. За его спиной перешёптывались соседи. «Ковен Мертвецов ждёт тебя, — сказал он. — Собирай вещи. И не пытайся бежать».

Глава 2. Ковен на костях дракона

Ли́ра собирала вещи в холщовый мешок: две рубахи, гребень, краюху хлеба и книгу. Книгу она завернула в тряпицу и спрятала на самом дне — так, чтобы человек в плаще цвета пепла не видел. Тимка сидел на печи, живой, тёплый, но глаза у него были странные — будто стеклянные. Он не плакал, не звал её. Только смотрел, как она уходит.

— Брат твой жив, — сказал человек. — Но не жилец. Если хочешь, чтобы он дожил до зимы, иди за мной.

Ли́ра хотела спросить, что это значит, но горло сжалось. Она поцеловала Тимку в макушку и вышла. Соседи провожали её молчанием. Кто-то перекрестился, кто-то сплюнул через левое плечо.

Дорога шла через лес, потом через болото, потом через туман. Человек в плаще не оборачивался и не говорил. К вечеру они вышли к ущелью, и Ли́ра увидела Ковен.

Она думала, что это будет замок. Но это был скелет. Огромные рёбра поднимались из земли, как арки, а между ними висели мосты и лестницы. Череп дракона был главным корпусом: в глазницах дрожали зелёные огни, как гнилушки, а пасть служила воротами. На зубах сидели вороны. Ли́ра поёжилась.

— Ковен Мертвецов, — сказал человек. — Твой новый дом.

У ворот их встретила девушка с зашитым ртом. Нитки были чёрные, а узел — аккуратный, как у портного. Девушка молча протянула Ли́ре деревянную бирку с номером. Потом показала на коридор, уходящий вглубь черепа.

Внутри было холодно. Вдоль стен тянулись витрины с костями, банками и странными инструментами. Студенты в мантиях ходили мимо, не глядя друг на друга. У одного парня тень была больше, чем он сам, и двигалась отдельно. У другой девушки на затылке рос второй рот, который беззвучно шевелился.

Ли́ра сжала мешок. Ей хотелось убежать.

В регистрационном зале стоял пьедестал, а на нём лежала костяная игла длиной в ладонь. Человек в плаще сказал:

— Приложи ладонь. Это учёт.

Ли́ра не хотела прикладывать ладонь. Но толпа сзади надавила, кто-то толкнул её под локоть, и рука сама легла на иглу. Остриё вошло в кожу — не больно, холодно. Из пальца выступила капля крови, и игла выцарапала в воздухе её имя: «Ли́ра из Соснового Брода». Буквы повисели и втянулись в кость.

— Что ты отдашь? — спросила игла голосом, похожим на скрип.

— Я уже заплатила, — прошептала Ли́ра.

— Недостаточно, — сказала игла. — Но я приму долг.

Кость треснула. Из трещины вырвалась тень, тонкая, как нить, и вошла Ли́ре в грудь. Она вскрикнула. Студенты не обернулись — будто крик был частью учёта. Человек в плаще смотрел на неё с непонятным интересом.

— Артефакт выбрал тебя, — сказал он. — Игла не впервые выбирает сама. Это уже не моя воля.

А потом в её голове зазвучал голос. Низкий, насмешливый, чужой.

— Наконец-то. Я ждал триста лет. И ты, девочка, теперь моя должница. Или я — твой. Это как посмотреть. И не вздумай меня хоронить. Я уже пробовал.

Глава 3. Первый долг

Лира не спала всю ночь. Ей отвели комнату в левом ребре дракона — узкую, как пенал, с окном из слюды и кроватью, пахнущей пылью и лавандой. Лаванда показалась ей странной: в Ковене Мертвецов меньше всего ожидаешь запаха трав.

— Это чтобы заглушить вонь, — сказал голос из тени.

Лира подскочила. Тень у её ног дрогнула, будто под землёй прошёл корень, а потом из пола проросли чёрные нити и сложились в плоский силуэт с руками и головой. Силуэт повёл плечом — до жути по-человечески.

— Ты... — прошептала Лира.

— Азраил, — сказала тень. — Триста лет никто не произносил моего имени вслух. Приятно, хоть и не тебе.

Лира схватила со стола подсвечник и замахнулась. Тень засмеялась — тихо, как шелест страниц.

— Не поможет. Я в твоей тени. Убьёшь меня — умрёшь сама. Таков долг.

— Какой долг?

— Костяная игла взяла с тебя не только кровь. Она записала тебя в должники. Каждое заклинание, которое ты произнесёшь, будет брать плату. Ты будешь чувствовать, как из тебя уходит что-то. Тепло. Память. Или годы жизни. А я — я буду смотреть. И, возможно, подсказывать. Если ты будешь вежливой.

Лира села на кровать. Подсвечник она не выпустила.

— Мне не нужен наставник.

— А мне не нужна наивная деревенская девочка, — отрезал Азраил. Тень сжалась, и Лира вдруг почувствовала, как грудь сдавило, будто на неё сел невидимый кот. — Но у нас нет выбора. Кто-то в Ковене убивает студентов. Ты видела парня с отдельной тенью? Сегодня утром его нашли в библиотеке. Глаза открыты, а тени нет. Душа выпита. И это не первый случай.

Лира вспомнила парня с тенью больше его самого. Ей стало холодно.

— Почему ты мне помогаешь?

— Потому что тот, кто пьёт души, использует ритуал, который я знаю. И если он завершит его, вернётся мой старый враг. Я не хочу, чтобы он вернулся.

Утром Лира вышла в коридор и наткнулась на девушку с зашитым ртом. Та стояла у двери и держала поднос с кашей. Глаза у неё были красные, как у кролика, которого долго держали за уши. Лира хотела спросить, как её зовут, но девушка сунула поднос в руки и убежала.

На первом уроке — «Основы долговой магии» — преподаватель, сухой старик с костяными пальцами, велел студентам поднять руки и почувствовать свои долги. Пальцы у старика щёлкали, когда он сгибал их. Лира закрыла глаза. Внутри она увидела чёрные нити, тянущиеся от груди к полу. Они звенели, как струны, и у каждой был свой цвет: одна — болотная, другая — пепельная, третья — толстая, багровая, ведущая к Азраилу.

— У некоторых из вас долг уже неподъёмный, — сказал старик, глядя прямо на Лиру. — Такие обычно не доживают до конца первого года.

Азраил шепнул из тени:

— Он врёт. Долг можно выплатить. Но для этого нужно знать, кому платишь.

На перемене Лира услышала, как старшекурсники шептались: третья жертва за месяц. И все — с пустыми глазами. И все — с меткой на груди: круг с тремя точками.

Азраил замолчал. А потом сказал очень тихо, и его голос впервые дрогнул:

— Похоже на... нет. Этого не может быть. Я сам уничтожил их триста лет назад.

— Кого? — спросила Лира.

— Серых Прях. Култ, который пил души, чтобы распутать грань между мирами. Значит, кто-то его восстановил.

— Ты боишься? — спросила Лира.

Тень у её ног замерла. А потом Азраил ответил — так тихо, что Лира скорее угадала, чем слышала:

— Я боюсь не за себя.

И исчез. Тень снова стала обычной тенью — плоской, безмолвной, послушной.

Глава 4. Плата за дыхание

Практические занятия проходили в подвале — там, где рёбра дракона смыкались с позвоночником. Лира спускалась по винтовой лестнице и чувствовала, как холод пробирается под мантию. В подвале пахло землёй и старыми костями.

— Сегодня — подъём мелкой фауны, — объявил преподаватель, тот самый старик с костяными пальцами. Звали его магистр Гверн. — Каждый получает дохлую мышь и пробует поднять её на три секунды. Помните: долг берётся сразу. Не тратьте себя по пустякам.

Лира получила мышь — серую, с переломанной шеей. Она положила её на стол и закрыла глаза. Азраил шепнул из тени:

— Не торопись. Почувствуй нить, которая ведёт от тебя к костям. Не тани. Просто позови.

Лира позвала. Мышь дёрнула лапкой. Потом ещё раз. И вдруг села, повела головой — и посмотрела на Лиру глазами, как две капли дёгтя.

— Одна секунда, — сказал Гверн. — Ещё две.

Лира держала. Мышь пищала, пытаясь вырваться. А потом открыла рот и заговорила голосом её матери:

— Лира, ты меня забываешь.

Лира вскрикнула и разорвала нить. Но было поздно: что-то тёплое, как молоко, ушло из неё. Перед глазами вспыхнуло воспоминание: мать поёт над колыбелью, её лицо, голос. А потом — пустота. Лира не смогла вспомнить, какого цвета были у матери глаза. Только голос — и тот теперь звучал из мёртвой мыши.

Мышь упала. Гверн кивнул:

— Две секунды. Приемлемо для новичка.

Лира стояла, глядя на свои руки. Она только что отдала часть себя. За мёртвую мышь.

— Ты идиотка, — сказал Азраил, когда они вышли в коридор. — Ты могла выбрать пустяковое воспоминание. Запах пирога. Цвет платья. А ты отдала лицо матери.

— Я не знала, как выбирать!

— Теперь знаешь. Больше никаких пустяков.

Он замолчал. Лира шла по коридору и чувствовала, как тень за спиной дрожит — будто Азраил сдерживался, чтобы не сказать что-то ещё.

На следующий день нашли четвёртую жертву. На этот раз — парня с отдельной тенью. Его тело лежало в библиотеке, а на груди был выжжен круг с тремя точками. Рядом стояла девушка с зашитым ртом. Она смотрела на тело и беззвучно плакала.

Лира подошла к ней.

— Ты знала его?

Девушка кивнула. Потом достала из кармана клочок бумаги и написала: «Он был моим братом».

Лира почувствовала, будто в груди лопнула струна.

— Я найду того, кто это сделал, — сказала она.

Азраил фыркнул из тени:

— Героиня из Соснового Брода. Ты не сможешь найти даже собственную тень без моей помощи.

— Тогда помоги мне, — отрезала Лира. — Ты же хочешь остановить культ.

Тень замерла. А потом Азраил сказал:

— Ладно. Но сначала ты должна научиться защищать себя. Завтра в полночь. В галерее костей. И возьми с собой что-нибудь острое. И запомни: ты будешь делать то, что я скажу. Без

вопросов. Иначе я замолчу, и ты никогда не найдёшь убийцу. А если нарушишь условие — я заберу твоё тело раньше, чем ты найдёшь убийцу.

Ночью, когда Лира уже легла, тень у кровати зашевелилась. Азраил появился из-под пола — молча, без насмешек.

— Слушай, — сказал он. — То, что ты сделала сегодня с мышью. Это было не просто заклинание. Ты отдала воспоминание о матери. Знаешь, почему это плохо?

— Потому что я больше не помню её лица?

— Потому что память — это якорь. Чем больше ты отдаёшь, тем меньше тебя остаётся. В какой-то момент ты перестанешь помнить, кто ты. И тогда долг заберёт всё остальное.

Лира села на кровати.

— Ты поэтому не хочешь, чтобы я третила себя? — спросила она тихо. — Тебе не всё равно?

Тень дёрнулась. Азраил ответил не сразу. И когда ответил, Лира вдруг почувствовала, как на секунду её сердце пропустило удар и забилось в чужом ритме — медленном, как у мертвеца.

— Мне не всё равно, что я могу остаться без носителя. Это эгоизм. Не путай с заботой.

И исчез. Лира почувствовала холод в груди — как будто кто-то только что отпустил её сердце.

Она лежала в темноте и думала: «Он врёт. Он боится. Но не за себя».

Глава 5. Галерея костей

Галерея костей находилась в хвостовой части дракона. Лира шла по коридору, освещённому синими лампадами, и чувствовала, как пол под ногами пружинит — это позвонки, сросшиеся в мостовую. По стенам тянулись витрины: черепа, рёбра, когти, свитые в спирали. Некоторые экспонаты были подписаны: «Магистр Орвин, подавился рыбной костью», «Студентка Мила, развоплощена на третьем курсе».

Азраил появился из тени — на этот раз не из-под ног, а из-за ближайшей витрины, будто вышел из-за угла.

— Опоздала на две минуты, — сказал он. — Я почти начал думать, что ты струсил.

— Я не струсил. Я заблудилась.

— В Ковене нельзя заблудиться. Можно только найти не то, что искал. Запомни это.

Он повёл рукой, и в центре галереи вспыхнул круг — кости на полу засветились изнутри, как гнилушки в темноте. Лира ахнула.

— Встань в круг, — сказал Азраил. — И достань то, что я велел.

Лира вытащила из-за пояса кухонный нож — единственное острое, что нашла. Азраил засмеялся:

— Нож. Против некроманта. Гениально.

— Ты сказал «что-нибудь острое».

— Я имел в виду не это. Но ладно. Нож тоже пригодится. Положи его перед собой и слушай.

Он объяснил: чтобы защищаться от некромантии, нужно научиться чувствовать чужие долговые нити. «Каждый, кто колдует, оставляет след — тонкую нить, которая тянется от него к жертве. Если ты научишься их видеть, ты сможешь перерезать чужую нить прежде, чем она коснётся тебя».

Лира закрыла глаза. Сначала ничего. Потом — звон, тонкий, как комариный писк. Она открыла глаза и увидела: от Азраила тянулась нить — багровая, толстая, пульсирующая. Она вела к её груди.

— Видишь? — спросил он. — Это наш долг. Ты можешь его перерезать. Но тогда я исчезну. А ты не хочешь, чтобы я исчез.

— Не хочу?

— Не хочешь. Потому что без меня ты не найдёшь убийцу. А теперь попробуй увидеть чужую нить. Не мою. Вон там.

Он указал на дальний конец галереи. Лира прищурилась. В темноте что-то блеснуло — тонкая серебристая нить, тянущаяся от пола к потолку. Она вела к двери, которой Лира раньше не замечала. Дверь была увита костями, а на ней — круг с тремя точками.

— Это метка Серых Прях, — сказал Азраил. — И нить свежая. Кто-то был здесь недавно.

Лира шагнула к двери. Азраил схватил её за плечо — вернее, тень схватила, но Лира почувствовала холодное прикосновение, будто её окунули в прорубь.

— Стой. Ты не готова.

— Я должна посмотреть.

— Должна — не значит можешь. — Он помолчал. — Ладно. Но сначала — урок. Попробуй перерезать мою нить. Не до конца. Только надрежь.

Лира взяла нож. Провела лезвием по багровой нити. Та зазвенела, как струна, и Азраил вскрикнул — впервые за всё время. Тень дёрнулась, и на секунду Лира увидела не плоский силуэт, а лицо. Молодое, бледное, с тёмными глазами, полными боли. Глаза смотрели на неё — живые, человеческие. А потом исчезли.

Ли́ра почувствовала, как из неё уходит что-то тёплое. Воспоминание: первый снег, ей пять лет, она ловит снежинки ртом.

— Хватит! — Азраил тяжело дышал, хотя у тени нет лёгких. — Ты сделала всё правильно. Но запомни: надрезать чужую нить — значит платить своей. Всегда.

Он отвернулся.

— Не смотри на меня так, — сказал он тихо.

— Как?

— Как будто я человек.

Ли́ра посмотрела на дверь с тремя точками.

— Что за ней?

— Не знаю. Но если Серые Пряжи там, то скоро узнаем.

В этот момент из-за двери донёсся звук шагов. Азраил растворился в тени. Ли́ра прижалась к витрине и затаила дыхание. Дверь приоткрылась, и в галерею выскользнула фигура в сером балахоне. Лица не было видно — только руки, длинные, с костяными пальцами, и на каждом пальце — кольцо с чёрным камнем. Фигура бормотала что-то себе под нос, а вокруг неё вилась серебристая нить, которую она несла, как поводок. На конце нити трепыхалась полупрозрачная фигурка — чья-то душа.

Ли́ра зажала рот рукой. Нож в её руке дрогнул и звякнул о кость. Фигура остановилась. Ли́ра замерла. Секунда тянулась, как час. Потом фигура повела плечом и пошла дальше. Дверь закрылась.

Азраил появился снова — бледнее обычного, если тень может быть бледной.

— Это был магистр Гверн, — сказал он тихо. — Я узнал кольца. Он носил их триста лет назад. Значит, он не человек. Или не совсем человек.

— Ты видел его лицо? — спросила Ли́ра.

— Нет. А ты?

— Нет.

— Хорошо. Значит, он всё ещё человек. Пока.

Глава 6. Шёпот в библиотеке

После встречи с Гверном Лира не могла уснуть. Она лежала в постели, глядя в окно из слюды, и слушала, как где-то в рёбрах дракона скрипят половицы. Азраил молчал — но она чувствовала его присутствие, как ледяного червя, поселившегося в животе.

— Ты не спишь, — сказал он наконец. — Думаешь о двери.

— Думаю о том, что за ней.

— И что ты собираешься делать? Ворваться туда с кухонным ножом?

— Я собираюсь узнать больше. В библиотеке должны быть книги о Серых Пряхах.

Тень у кровати шевельнулась.

— В библиотеке есть запретная секция. Туда пускают только старшекурсников. Но есть один способ... — Он замолчал.

— Какой?

— Я могу провести тебя. Но это будет стоить. Не мне — тебе. Ты отдашь ещё одно воспоминание. Не такое сильное, как лицо матери. Но всё же.

Лира сглотнула. Она вспомнила, как легко ушло воспоминание о первом снеге. Как будто кто-то вырезал кусочек её жизни ножницами.

— Хорошо, — сказала она. — Но не сейчас. Сначала я хочу поговорить с девушкой с зашитым ртом. Она знала того парня. Может, она видела что-то ещё.

Азраил фыркнул:

— Она не может говорить.

— Она может писать.

Утром Лира нашла Вейлу в столовой. Девушка сидела в углу, ковыряла кашу и не смотрела ни на кого. Лира села напротив.

— Меня зовут Лира. Я хочу найти того, кто убил твоего брата.

Вейла подняла глаза. В них были слёзы, но зрачки — сухие, будто она выплакала всё ещё вчера. Она достала из кармана огрызок карандаша и клочок бумаги. Написала: «Зачем тебе?» — и сразу же прикрыла листок ладонью, будто пожалела о написанном.

— Потому что он убьёт ещё кого-то. Может, меня.

Вейла недоверчиво прищурилась. Написала: «Все так говорят. А потом боятся».

— Я не боюсь, — сказала Лира. — Я видела Гверна ночью. В галерее костей. Он нёс душу на поводке.

Вейла вздрогнула. Её рука с карандашом задрожала. Она написала: «Ты видела?»

— Видела. Серебристая нить, а на конце — полупрозрачная фигурка. Он шёл к двери с тремя точками.

Вейла долго смотрела на неё. Потом написала: «Он несёт их вниз. В подземелье. Там что-то есть».

— Что?

«Не знаю. Но брат говорил, что слышал оттуда пение. Как будто кто-то поёт колыбельную».

Лира почувствовала, как ледяной червь в животе свернулся клубком. Азраил прошептал из тени:

— Колыбельная. Серые Пряхи пели колыбельные душам, чтобы они не сопротивлялись. Значит, ритуал уже идёт.

— Сколько ещё душ им нужно? — спросила Лира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.